

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АДМИНИСТРАЦИЯ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ
АДМИНИСТРАЦИЯ г. ТОМСКА
РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ТОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ ТГУ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Сборник материалов
V Сибирского психологического форума*

*3–5 октября 2013 г.
г. Томск*

Томск
2013

ВВОДНАЯ СТАТЬЯ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ПОИСКАХ ПАРАДИГМ, ПАРАДИГМЫ В ПОИСКАХ ЧЕЛОВЕКА

Г.В. Залевский (Томск, Россия)

Что такое человек? Ответом на этот вопрос были озабочены очень многие и во все время существования человека. По мнению А.А.Богданова, «вопрос этот одни решают слишком просто и конкретно (обывательщина наивная), другие слишком сложно и отвлеченно (обывательщина философская). Оба типа решений во многом сходятся между собой не только со стороны реального содержания, которое охватывают, но и со стороны основной точки зрения, из которой исходят. Это наивные решения. Общая предпосылка состоит в том, что «всякой твари предел положен есть, его не преjdeши». Наивным точкам зрения противопоставляются научные. Их не одна, их несколько, но в одном отношении все они недостаточны – все они «парциальны», частичны. Человек есть целый мир опыта. Этот мир не охватывается полностью ни анатомическим и физиологическим комплексом – «человеческое тело», ни психологическим комплексом – «сознание», ни социальным – «сотрудничество»... И если мы просто соединим, механически свяжем все эти точки зрения, у нас еще не получится целостной концепции: собрание частей еще не есть целое (А.А. Богданов). В раздробленном человеке со стихийной силой возникает потребность стать целым, она несет ему тяжелые муки неудовлетворенности, но и толкает его на путь борьбы за ее удовлетворение. На этом пути совершается собирание человека. А.А. Богданов считает, что «новейшее время истории является эпохой собирания человека».

Можно сказать, что «собирание человека» происходило все годы развития и психологии как науки, собирание трудное, противоречивое, через редуционизм в его разновидностях, в том числе и системологический, через «искусственное натягивание» всей психологической реальности на какую-либо категорию», что, несомненно, «заводит психологическую мысль в тупик» (Л.С. Выготский).

Вслед за А.А. Богдановым, мы можем сказать, что сегодня в психологию «человек еще не пришел в полной мере, но он близко, и его силуэт ясно вырисовывается на горизонте психологической науки». И очень важно для того, чтобы он «пришел в полной мере», чтобы он оказался «в объeтjях», т.е. стал объектом и предметом, именно антропологической психологии. Я придерживаюсь того мнения, что, если мы говорим о человеке, как объекте и предмете психологии, т.е. о психологии человека или человеческой психологии, то наиболее точным в данном случае является понятие антропологическая психология. И в этом содержании она противопоставляется зоологической психологии. Конечно, качественно разные предметы антропо- и зоопсихологии могут рассматриваться с общепсихологических позиций при понимании, что «человеческое поведение – это нечто большее, чем поведение наших подопытных животных» (В.М. Розин). И в данном случае не имеет принципиального значения ответ на вопрос о происхождении человека: создал его Высший разум (или Бог), является он результатом эволюции, мутации или творением инопланетян. Что касается отношения антропологической психологии к другим психологиям (психологической антропологии, общей психологии, зоопсихологии, психоаналитической психологии, бихевиоральной психологии, когнитивной психологии, гуманистической психологии, экзистенциальной психологии, трансперсональной психологии и т.д.), то все они строители особых парадигм в стремлении понять человека, следуют своим путем, предлагая свои средства познания природы человека, проблем его бытия и здоровья. Каждая из них в разной степени приблизились к тому состоянию, которое дает основание говорить о них как об антропологической психологии. Так, например, Бинсвангер «указывает, что обращение к экзистенциальному анализу убедило его в том, что в теории Фрейда, человек еще не является человеком в полном смысле этого слова». Близко к этому и мнение А. Маслоу: «Созданный Фрейдом образ человека оказался определенно непригодным, ибо он не отражал человеческих стремлений, осуществимых человеческих надежд и высших свойств человека». Ближе к человеку, по мнению Р. Мэя, «экзистенциальная позиция, которая отстаивает необходимость решать вопросы современной психологии на человеческом уровне... что этот подход отвечает тем требованиям и содержит те основополагающие принципы, кото-

рые должны отличать психологию человеческого в человеке». Но у Абрахама Маслоу есть тоже вопросы и к экзистенциалистам, считая «преувеличением их взгляд на «Я» как на проекцию, целиком и полностью созданную раз за разом повторяющимся выбором самой личности, в свете таких известных нам фактов, как, конституциональные и генетические детерминанты личности». С подобными вопросами, кстати, обращаются и к самой гуманистической психологии. Можно сказать, что «собрание человека» (А.А. Богданов) происходило все годы развития психологии как науки, собрание трудное, противоречивое, через редукционизм в его разновидностях, о чем писал более 40 лет назад и мой учитель профессор М.С. Роговин: «Вместе с расширением самой области психологического исследования, вместе с все большей дифференциацией психологии теряется из вида ее главный объект - сам человек, продукт и в то же время творец определенной исторической эпохи, человек с его радостями и страданиями, стремлениями, успехами и ошибками, живой человек – единственный настоящий объект психологии. На его место становятся абстрактные «психологические механизмы», «детерминирующие тенденции», «содержание сознания», «акты», «процессы», «обратные связи» и т.п., которые, хотя и представляют необходимые строительные леса на здании научной психологии, хотя и углубляют наше понимание закономерностей психики, но которые, взятые вне общего контекста личности и деятельности человека, могут заслонить собой конечную цель психологического исследования» (М.С. Роговин).

В рамках антропологической психологии в основание исследований все чаще кладется целостно-ценностный подход (Г.В. Залевский, Ю.В. Кузьмина). В рамках такого подхода человек (антропос - устремленный ввысь) и его здоровье понимаются как целостные образования – биопсихосоционоэтическое/духовное единство, целостность со структурно-уровневым строением, высшим и интегрирующим уровнем которого является духовный уровень (духовность и духовное здоровье). Эти уровни (человека и его здоровья) отражают уровни «человеческих связей с миром» (А.Н. Леонтьев), «взаимодействия с действительностью» (А.В. Брушлинский), «разные уровни бытия» (Л.Р. Правдина), которые можно мыслить как «миры (пространства), где совершаются развитие и саморазвитие личности, и которые могут быть структурированы следующим образом: мир (пространство) телесности, психологический (функциональный и душевный) мир, общественный (социальный), духовный, культурный».

Согласно метафоре, предложенной нами (Г.В. Залевский, Ю.В. Кузьмина), сущность человека, его жизни, здоровья и развития выражается в движении в указанных выше мирах или пространствах и во времени от иррического (земного, телесного) к нозтическому (духовному, ценностно-смысловому): человеческим идеалам, высшим чувствам, эстетическим, религиозным, интеллектуальным, нравственным ценностям, любви, самопознанию, творчеству, свободе, духовному здоровью и обратно. Мера личности и ее здоровья определяется высотой, на которую она поднимается, трансцендирует над иррическим, устремляясь к нозтическому, и фактом ее возвращения назад к иррическому, с целью его одухотворения и принятия его энергии для нового взлета. Как известно из греческой мифологии, сила известного титана возродилась в нем после того, как он дотрагивался до земли. Не зря, видимо, и Маслоу в своих более поздних работах перевернул свою пирамиду.

Согласно Гете, «духовность противоположна не плоти, а хаосу возбужденных инстинктов, делающих человека рабом во тьме стихий». В то же время «человек представляет собой единство природы и свободы» (И.Кант). А отсюда следует, что человек не может быть самим собой, если он не перерастает самого себя (Антоний Сурожский). О.С.Васильева, говоря о критериях духовного здоровья и факторах, на него влияющих, относит к ним «расширение сознания за пределы человеческого тела, за пределы Я; нахождение оптимального индивидуального баланса между сиюминутным и вечным, материальным и духовным». Если же человек не отрывается от земного и телесного, «не перерастает себя» или, оторвавшись, не «возвращается к телесному и земному», то это признаки, прежде всего, духовного нездоровья. «При этом здоровье выступает как показатель, характеризующий личность в ее целостности – как необходимое условие интеграции всех составляющих личности в единую Самость» (О.С. Васильева, Ф.Р. Филатов).

В этой связи справедлива мысль Е.Б. Старовойтенко о том, что «принципиален поиск интегрального определения личности» и о том, что «личность может быть определена в качестве индивидуального человека, проживающую глубинную, осознанную и деятельную жизнь, обладающего устойчивым духовно-телесно-психически-практическим единством, развивающегося в ценностных отношениях к миру природы, культуры, общества, другого человека, занимающего единственное место среди людей, соотно-

сящего собственное Я с другими Я, живущего в смысловом и деятельном диалоге с множеством других и открывающего в нем свою индивидуальность».

Мы солидарны с В.М.Розиным, который говорит о необходимости «духовной навигации» для каждого человека, в том числе и для тех, кто не религиозен, кто «обходится без этой гипотезы». «Поэтому новый человек – это человек не просто конституирующий себя, т.е. не только личность, а человек, вставший на путь «духовной навигации». Духовная навигация – это наблюдение за собой, продумывание своей жизни, ее смысла и назначения, это стремление реализовать намеченный сценарий жизни (скрипт), отслеживание того, что из этого получается реально, осмысление опыта своей жизни, собирание себя вновь и вновь»

По мнению И.В. Равич-Щербо, «одним из достижений психогенетики по праву можно считать признание того факта, что генетическое отнюдь не означает неизменное». Коли так, то, видимо, можно и надо говорить об индивидуальной траектории развития человека, т.е. о возможности пройти между диктатом наследственности (биологического) и диктатом социума, культуры (социального). В этой связи уместно напомнить мнение В. Франкла о том, что «человек не столько зависит от наследственности или от среды, сколько от самого себя». Он в данном случае как бы выступает и против диктата наследственности, биологического, и против диктата социума. Он говорит о «человеческой, внутренней, духовной свободе». «Разве не существует духовной свободы, самоопределения, отношения к заданным внешним обстоятельствам? Неужели человек действительно не более чем продукт многочисленных условий и воздействий, будь то биологические, психологические или социальные?». Он считает, что «на эти вопросы есть ответы как фактические (на моем опыте), так и принципиальные». «Духовная свобода человека, которую у него нельзя отнять до последнего вздоха, дает ему возможность до последнего же вздоха наполнять свою жизнь смыслом».

Именно духовная составляющая целостного человека дает возможность ему проявлять духовную свободу в отношении среды и наследственности, оказывать сопротивление их диктату. Об этом сопротивлении, роли духовности человека в этом сопротивлении, возможностях и его вариантах или уровнях мало что известно и мало говорится в генетических и психогенетических исследованиях. Обычно речь идет об отношениях, взаимодействии, взаимосвязях и огромная статистика корреляций. Мы считаем, что, находясь между «молотом и наковальней», т.е. наследственностью и средой, человек, благодаря своим духовным возможностям и стремясь построить индивидуальную траекторию развития, решает проблему взаимодействия наследственности и среды, идя на компромиссы и формируя стратегии преодоления (пластические операции, компенсаторные и защитные механизмы и многое другое).

Ницше утверждал через пророка Заратустру, что «человек есть нечто, что должно превозмочь». И в этом превозмогании, выходе за пределы, размыкании исторических, культурных, индивидуальных границ получает смысл само понятие человека, обосновывается вся антропологическая проблематика, проблематика антропологической психологии. От ирриджического к ноэтическому и обратно – это «путешествие в поисках предмета психологии – некоей психологической реальности, сущности этой реальности, а также путешествие в поисках человека самого себя» (Ст. Гроф).

По мнению В.И. Слободчикова, «зарождающийся новый портрет психологии в интерьере современности характеризуется тем, что базовой категорией... является ступень восхождения к полноте собственной реальности в ее духовно-душевно-телесных измерениях. Это и есть, по нашему мнению, предметно-проблемное поле исследований антропологической психологии, изучения человека, которое выходит далеко за пределы христианской психологии.

В. Франкл считал, что «мы изучили человека так, как его, вероятно, не изучило ни одно предшествующее поколение. Так что же такое человек? Это существо, которое всегда решает, кто он. Это существо, которое изобрело газовые камеры. Но это и существо, которое шло в эти камеры, гордо выпрямившись, с молитвой на устах». Слова В. Франкла, скорее, демонстрируют тот факт, что мы еще довольно далеки от ответа на вопрос, что же такое человек. Поэтому процесс «собирания человека» психологической наукой (антропологической психологией) продолжается, и он отражен в материалах данного сборника, о нем пойдет речь и на 5-м Сибирском психологическом форуме.